

Знакомство Вяземского с Завадовскою поддерживается и в следующие его приезды в Петербург. Текст писем от 1832 года,¹ неоднократно упоминающий о Завадовской, решает окончательно вопрос, интересовавший пушкинистов, чей образ дан был Пушкиным в Нине Воронской.

«Платья получены. Одно взято графинею Доли,² другое же подарено мною имяниннице Завадовской».

«Высылай же Гучковские образцы, тем более, что Завадовская сказала мне онамедни на бале, что она три раза прочла моего Адольфа.³ Каково и какова? Я никак не подозревал, что она так умна, а шутки в сторону, и в самом деле она мила и с нею можно разговаривать. А уж что за картина на бале».⁴

«Пришли же Гучковских образцов для Нины Воронской, так названа Завадовская в «Онегине».

Она (т. е. Татьяна) сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы,
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

Есть много прелестных подробностей в этой песне и вообще больше романического интереса, нежели во многих других песнях».

М. Боровкова-Майкова

V

О Нине Воронской

В статье моей «Княгиня Нина», помещенной в «Новом мире» и перепечатанной в сборнике моих статей о Пушкине «В двух планах», я высказал предположение, что в «Евгении Онегине» под именем «блестящей Нины Воронской, сей Клеопатры

¹ П. А. Вяземский служил в Петербурге, его жена Вера Федоровна оставалась в Москве, куда и были адресованы письма.

² Доли — гр. Дарья Федоровна Фикельмон, рожд гр. Тизенгаузен, жена австрийского посланника, дочь приятельницы Пушкина Елизаветы Михайловны Хитрово.

³ «Адольф» — роман Бенжамена Констан, переведенный Вяземским.

⁴ Выпущенная строфа в 8-й главе «Онегина» начинается словами «Смотрите, в залу Нина входит. . .» и кончается: «и все в восторге, в небесах пред сей волшебною картиной».

Невы» Пушкин вывел Агр. Фед. Закревскую. Доводы мои были такие. Все, что мы знаем о Закревской, весь облик ее удивительно подходит к Клеопатре, как ее понимал Пушкин и как изобразил в «Египетских Ночах», — бешено-сладострастной, находящей особенное упоение в вызывающем попирании всех признанных законов нравственности и даже приличий, внушающей прямо страх силою сатанинской своей страстности. Пушкин, сам далеко не мальчик и не новичок в любви, с содроганием останавливался перед жуткою, тянущей к себе чувственностью Закревской: «Таи, таи свои мечты: боюсь их пламенной заразы, боюсь узнать, что знала ты!» И Боратынский о ней же: «Страшись прелестницы опасной, не подходи: обведена волшебным очерком она; кругом нее заразы страстной исполнен воздух...» И еще вот как Боратынский: «Кого в свой дом она манит, — не записных ли волокит, не новичков ли миловидных? Не утомлен ли слух людей молвой побед ее бесстыдных и соблазнительных связей? Но как влекла к себе всеильно ее живая красота!» Закревская выведена Боратынским в его поэме «Бал» под именем «княгини Нины», под этим именем она фигурирует и в переписке Вяземского с Пушкиным. Всего поэтому естественнее, мне кажется, в Нине Воронской, Клеопатре Невы, видеть именно Закревскую. Доводы мои были приняты двумя лучшими из современных пушкинистов: покойным Б. Л. Модзалевским и М. А. Цявловским (Пушкин, Письма, II, 306. Московский Пушкинист, II, 178).

В вышепомещенной статье М. С. Боровковой-Майковой вопрос о прототипе Нины Воронской подвергнут пересмотру. М. С. Боровкова-Майкова указывает на сообщение Богуславского и приводит неопубликованное письмо кн. П. А. Вяземского, свидетельствующее, что Ниною Воронскою названа в «Онегине» графиня Завадовская. Эти свидетельства, по мнению автора, «разрешают окончательно вопрос, чей образ дан был Пушкиным в Нине Воронской».

Само по себе сообщение какого-то никому неизвестного Богуславского, конечно, никакого значения иметь не может. Другое дело — свидетельство Вяземского: он был одним из близких друзей Пушкина, стоял в курсе и личных его дел, и его творчества. Однако является ли свидетельство кого-либо из близких друзей Пушкина таким уже бесспорным доводом, что перед ним мы должны отбросить всякие сомнения и критику, всякую логику и признать голый факт свидетельства пушкинского друга окончательно решающим сомнительные вопросы пушкиноведения? Мы имеем слишком много таких свидетельств, бьющих совер-

шенно мимо цели, чтобы ответить на приведенный вопрос утвердительно. Плетнев, например, относит к какой-то рано умершей графине Растопчиной стихотворение «Увы, зачем она блистает», имеющее в виду Елену Раевскую; Нащокин в стихотворении «19 окт 1825 г.» несомненное упоминание о Пушкине относит к Гревеницу. Оба они — и Плетнев и Нащокин — стихи «Когда твои молодые лета позорит шумная молва» считали обращенными к Закревской, хотя содержание стихов никак невозможно увязать с Закревской: Пушкин в них горько жалеет и утешает несчастную жертву «шумной молвы», — Закревская же с наслаждением издевалась над этой молвой, с презрением бросала ей вызов, всю свою жизнь и совершенно не нуждалась в утешениях и жалениях. Ближайшие также друзья Пушкина уверяли, что стихотворение «Пророк» раньше оканчивалось корявейшим четырехстишием, не имеющим решительно никакой связи с самим стихотворением:

Встань, встань, пророк России,
Позорной ризой облекись
И с вервьем вокруг смиренной выи
К царю . . . . . явись!

Но в праве ли мы, несмотря на все свидетельства пушкинских друзей, либо просто отвергнуть нелепую эту приклею, либо, вместе с проф. Сумцовым, принять, что друзья, запамятавав, прилепили к «Пророку» исковерканное их памятью четырехстишие из какого-нибудь другого стихотворения Пушкина?

Теперь спросим: если Пушкин называет красавицу Клеопатрой, хочет ли он просто сказать, что она красива как Клеопатра, и больше ничего? Есть много исторических, художественных и религиозных образов красавиц: Юдифь, Диана, Юнона, Клеопатра, Мессалина, Мадонна, Беатриче. Неужели безразлично, какое из этих имен приложит поэт для характеристики своей красавицы? Ясно, — в каждой из поименованных красавиц, кроме красоты, есть еще другие характерные особенности, присущие именно ей: суровая способность к самопожертвованию у Юдифи, девственная чистота у Дианы, глубокая развращенность у Мессалины и т. д. Можно ли допустить, чтобы Пушкин назвал Клеопатрой красавицу без достаточных данных, приближающих ее именно к Клеопатре? Посмотрим же, что представляла собой Завадовская. Графиня Елена Михайловна Завадовская, рожденная Влодек. Она была одной из самых блистательных великосветских красавиц пушкинского времени, об исключительной красоте ее не устают твердить воспоминания и

письма этой эпохи. Однако среди всех этих упоминаний мы не встречаем нигде ни одного указания даже просто на очень в то время обычную неверность мужу, а тем более на такую любовную разнузданность, которая давала бы возможность назвать ее Клеопатрой. Напротив. Во всех стихотворениях, к ней обращенных, отмечается ее чистота, девственное выражение глаз этой замужней женщины, действие ее красоты не на чувственность, а на самые высокие стороны души. И. И. Козлов писал ей:

И как румяною зарею
Блеск солнца пламенной струею
Бросает жизнь на небеса,
Так чистой, ангельской душою
Оживлена твоя краса.

А тот же Вяземский к ней писал:

Любовь беснуется под воспаленным югом;
Не ангелом она святит там жизни путь, —
Она горит в крови отравой и недугом
И уязвляет в кровь болезненную грудь.
Но сердцу русскому есть красота иная,
Сын севера признал другой любви закон:
Любовью чистою таинственно сгорая,
Кумир божественный лелеет свято он.
Красавиц северных он любит безмятежность,
Чело их, чуждое язвительных страстей,
И свежесть их лица, и плеч их белоснежность,
И пламень голубой их девственных очей...
Красавиц севера царица молодая!
Чистейшей красоты высокий идеал!
Вам глаз и сердце дань, вам лиры песнь живая
И лепет трепетный застенчивых похвал.

Наконец — и сам Пушкин. Теперь дознано, что несравненное его стихотворение «Красавица» написано не к Гончаровой, не к «государыне», не к графине Фикельмон, а именно к Завадской. Вспомним стихотворение.

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей...
Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье;
Но встретишь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговей богомольно
Перед святыней красоты.

И это написано — к Клеопатре?!

Если бы не один Вяземский с каким-то Богуславским, а все близкие и далекие друзья Пушкина дружным хором свидетельствовали, что Клеопатра — это Завадовская, мы в праве им не поверить и не признать за их свидетельством решительно никакой ценности. Отыскивать прототипы к художественным образам — задача, в общем, довольно пустая. Может быть, рисуя свою Клеопатру Невы, Пушкин не имел в виду ни Закревскую, ни другую какую-либо живую женщину. Но одно можно сказать с совершенною несомненностью: во всяком случае он имел в виду не Завадовскую.

В. Вересаев

VI

Из писем П. А. Вяземского к жене от 1830 года

В конце января, в начале февраля 1830 года Пушкин писал из Петербурга Вяземскому: «Я собираюсь в Москву, как бы не разъехаться», а 1 марта Вяземский уже из Петербурга сообщал жене: «Пушкина видел, он собирается в Москву». Бенкендорф в письме от 17 марта Пушкину выражал неудовольствие по поводу внезапного отъезда его в Москву и на оправдание Пушкина¹ в письме от 3 апреля писал: «*Mais je dois vous avouer, que votre dernier départ précipité pour Moscou a dû éveiller des soupçons*». ² Очень любопытное добавление имеется в неопубликованных еще письмах Вяземского к жене: «Пушкин уехал в Москву. Зачем это? *Quelle mouche l'a piqué?*»³ — спросил Николай I Жуковского, и на ответ Жуковского, что он не знает причины, продолжал: «один сумасшедший уехал, другой сумасшедший приехал». ⁴ Под вторым сумасшедшим подразумевался Вяземский, что видно из дальнейшей беседы Николая I с Жуковским. «По некоторым приметам полагаю, — пишет Вяземский в другом письме⁵ к жене, — что они приписывают какое-то тайное единомыслие в приезде моем сюда и в отъезде Пушкина в Москву».

¹ Письмо от 21 марта 1830 года, Москва, «Переписка Пушкина», под ред. В. И. Саитова.

² Но я должен признаться, что ваш последний стремительный отъезд в Москву должен был возбудить подозрения.

³ Какая муха его укусила?

⁴ Суббота [12 апреля].

⁵ 25 [марта].

З В Е Н Ь Я

СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ XIX ВЕКА.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА,
Л. Б. КАМЕНЕВА И А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

III—IV

А С А Д Е М І А
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 3 4